

Вот говорят,
 Что скуден был паек,
 Что были ночи
 С холодом, с тоскою, —
 Я лучше помню
 Ивы над рекою
 И запоздалый
 В поле огонек.

(«Детство»)

Вологодская «малая родина» стала вечным магнитом, ядром жизни Рубцова, несмотря на то что «после дива сельского простора» он и впрямь «открыл немало разных див» («Ось»): армейская служба на Северном флоте, жизнь в обеих российских столицах (в Ленинграде — рабочим, в Москве — студентом Литературного института), поездка в Сибирь...

Долгое время Рубцов не имел на родине своего жилья, но не возвращаться туда не мог. Причины этого особенно ясно сформулировал сам поэт в письме Г. Горбовскому: «...в Вологде мне всегда бывает и хорошо, и ужасно грустно и тревожно. Хорошо оттого, что связан я с ней своим детством, грустно и тревожно, что и отец, и мать умерли у меня в Вологде. Так что Вологда — земля для меня священная, и на ней с особенной силой чувствую я себя и живым, и смертным».

В череде отъездов-возвращений наиболее важное место, без сомнения, занимает год 1962-й. Его принято считать началом творческой зрелости поэта. В этом году он поступил в Литературный институт имени Горького и познакомился с В. Соколовым, С. Куняевым, В. Кожинным и другими литераторами, чье дружеское участие не раз помогало ему и в творческом взрослении, и в издательских делах.

Напечатал, однако, при жизни Рубцов немного. Помимо журнальных подборок и совсем тоненькой книжечки «Лирика» (1965) тиражом в 3000 экземпляров, это сборники «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970). Готовившиеся к изданию «Зеленые цветы» появились уже после смерти Рубцова, в 1971 году. С цензурой и редактурой отношения его тоже не были простыми. Заслуживает внимания признание, сделанное Рубцовым в письме С. Викулову (конец 1964 года): «Вообще я никогда не использую ручку и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке — так что умру, наверное, с целым сборником, да и большим, стихов, «напечатанных» или «записанных» только в моей беспорядочной голове».

Как бы то ни было, трагическая гибель Рубцова в ночь на 19 января 1971 года оставила недописанной одну из самых ярких страниц в истории русской поэзии второй половины XX века.

**Поэтический
мир
Рубцова**

Поэтический мир Рубцова одновременно и узнаваем, и многообразен в своих проявлениях. Если попытаться дать ему вначале общую характеристику, без анализа конкретных текстов, то это, во-первых, мир крестьянского дома и русской природы. Здесь снаружи чаще всего «много серой воды, много серого неба, / И немного пологой родимой земли, / И немного огней вдоль по берегу...», внутри же — «книги, и гармонь, / И друг поэзии нетленной, / В печи березовый огонь». Граница же (стена дома) постоянно преодолевается, становясь почти условной. Замкнутое пространство дома способствует размышлениям лирического героя о своей индивидуальной судьбе, безграничное пространство природы почти всегда выводит к ощущению хранимой в нем истории и судьбы народа.

Личная судьба рубцовского героя скорее несчастливая, и она является точным слепком судьбы поэта. Те же бесприютность и сиротство, та же неудачная любовь, заканчивающаяся разлукой, разрывом, утратой. Наконец, самое тягостное — предчувствие скорой и неотвратимой смерти.

И все же удивительная органичность, способность ощутить себя необходимой частицей природы и народа гармонизирует хотя бы на время внутренний мир героя, мучимого противоречиями.

Взгляд Рубцова чаще обращен в прошлое. Точнее — к русской старине. Очень редко поэт находит ее в городе («**О Московском Кремле**»), почти всегда — в селе и открытом природном пространстве. Старина у Рубцова сохранена не только в рукотворных памятниках («...темный, будто из преданья, / Квартал дряхлеющих дворов»), но и в мироощущении поэта: «...весь простор, небесный и земной, / Дышал в оконце счастьем и покоем, / И достопадной веял стариной...» И все же есть в этом просторе такие места, стихии и звуки, к которым он в поисках образов и голосов «былой Руси» обращается в первую очередь:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»)

Эта первая строфа одного из лучших стихотворений Рубцова, написанного в 1963 году, и указывает на то любимое лирическим героем Рубцова место, которое позволяет ему вырваться из «малого» времени в «большое» и увидеть движение истории. Ирреальность фигуры всадника подчеркнута также в финале этого большого стихотворения, когда он «мелькнувшей легкой тенью» исчезает «в тумане полей». Однако в этой «рамке» (излюбленный композиционный прием Рубцова) жи-

Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России.

И все же очнувшийся от видений лирический герой оказывается наедине с тем, что дает ему надежду и успокоение, — с «безбрежным мерцаньем» «бессмертных звезд Руси».

Гармония, впрочем, может обретаться в поэтическом мире Рубцова и иначе.

Образ сельского кладбища, впервые в русской поэзии прочувствованный в переводах В. Жуковского, находит такое же элегическое воплощение и у Рубцова. В стихотворении «Над вечным покоем» (1966) «святость прежних лет», о которой напомнило герою «кладбище глухое», умиротворяет его сердце, наполняя естественным, очень «природным» желанием:

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребен
В такой же белой горестной рубашке.

Смерть как приобщение к «святости прежних лет»: разрешает поэт найденным образом саму проблему? Конечно, нет! До конца примириться с неизбежностью ухода человека в небытие он не может. Но выражает это совсем не так, как, скажем, сделал в те же годы другой замечательный поэт — Е. Евтушенко. Известное стихотворение последнего «Людей неинтересных в мире нет...» заканчивается горестным восклицанием: «И каждый раз мне хочется опять / От этой невозвратности кричать!»

Вот именно крика отчаяния и не встретить в рубцовских стихах о смерти. Таково, например, короткое стихотворение позднего периода:

Село стоит
На правом берегу,
А кладбище —
На левом берегу.
И самый грустный все же
И нелепый
Вот этот путь,
Венчающий борьбу
И все на свете, —
С правого
На левый,
Среди цветов
В обыденном гробу...

У Рубцова вовсе нет желания поразить новой мыслью или уникальной метафорой. Как все это узнаваемо: с берега жизни — через реку — на берег смерти! Автор, не претендуя на то, чтобы быть оригинальным, добывается гораздо большего: в негромких и тонких эпитетах («нелепый», «обыденный»), в выверенной интонации — бережной и одновременно сдержанно-ироничной — слышится голос сполна вкусившего утрат и помудревшего человека.

Не стоит, однако, думать, что Рубцов был не способен писать иначе. То же кладбище могло предстать под его пером вовсе не утешающим и утешающим, а ужасающим, парализующим душу, как, например, в стихотворении «Седьмые сутки дождь не умолкает...» (1966). Картина весеннего половодья здесь гиперболизируется и, разрастаясь едва ли не до масштабов потопа («И реками становятся дороги, / Озера превращаются в моря...»), приобретает поистине апокалиптический характер:

На кладбище затоплены могилы,
Видны еще оградные столбы,
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы,
Ломаются, всплывая, и в потемки
Под резким неслабеющим дождем
Уносятся ужасные обломки
И долго вспоминаются потом...

Такое нарушение гармонии, гибель «святости прежних лет» под напором слепой стихии особенно страшны для Рубцова: «И долго вспоминаются потом...» Через четыре года после создания этого стихотворения, написав свою знаменитую пророческую строчку «Я умру в крещенские морозы», поэт не в силах был освободиться от поразившей его когда-то картины и, словно испытывая душу и волю, примерял увиденное на себя:

Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.

Но все же такие стихи — исключения. Они потому и выделяются столь резко, что окружают их совсем другие стихи.

Любимая стихия Рубцова — ветер. Даже если он приносит грозу, воспринимающуюся как «зловещий праздник бытия» («Во время грозы»), то лишь затем, «чтоб удивительно / Светлое утро / Встретить, как светлую весть!» («После грозы»).

Чаще всего ветер пробуждает спящую в природе память истории, и природа начинает говорить, взывая к тем, кто умеет слушать («О чем

К этому тексту в числе других замечательных поэтов обращался и Б. Пастернак. Вот его перевод:

И в сердце растрáva,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?

О, дождик желанный.
Твой шорох — предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.

Откуда ж кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего.

Хандра ниоткуда,
Но та и хандра,
Когда ни от худа
И ни от добра.

В переводе Пастернака масштабы конфликта героя с действительностью невелики и постоянно сужаются, уменьшаются.

Не то — у Рубцова. Если верленовско-пастернаковский герой еще только может «всплакнуть под шумок», то верленовско-рубцовский уже плачет под бурю. У Пастернака — «хандра ниоткуда», у Рубцова незримо присутствуют «былые годы», и в них мы можем подозревать «причину» его тоски. Ими поддерживается, а не снимается эмоциональное напряжение. Пастернак прозаизирует эмоцию. «Откуда бы, право», «хандра», «всплакнуть», «ни от худа и ни от добра», — все это снимает драму. У Рубцова — напротив.

Второй аспект сравнения менее бесспорен. Пастернак, видимо, более «фактологичен» в своем переводе. Но те, кто слышал звучание стихотворения Верлена на французском, возможно, согласятся: рубцовский текст в этом аспекте ближе к оригиналу. Впрочем, вольный перевод не предполагает у него наличия таких обязательств...

Обращаясь к образам любимых поэтов прошлого (а таких стихотворений у него около десяти), Рубцов выделял в них прежде всего те черты, которыми обладал или к которым стремился сам. Тютчев у него — «сын природы», Есенин живет «в предчувствии осеннем / Уж далеко не лучших перемен», Кедрин, «один в осенней мгле», из «зловещего и ветреного» мира спешит в теплое жилище...

Известно, что поэт любил исполнять под гитару стихотворение Тютчева «Брат, столько лет сопутствовавший мне...». Почему именно эти стихи? Потому что их лирический герой напрямую перекликается с рубцовским: то же обостренное чувство необратимого движения к концу —

через утраты («Дни сочтены, / Утрат не перечешь»), та же иерархия «сегодняшнего — давнего» («Живая жизнь давно уж позади»), то же одиночество в природе («И я теперь на голой вышине / Стою один, — и пусто все кругом»). Для Рубцова равно органичным было находиться в реальном поле, внимая «сказанью» летящих над ним журавлей, — и в магнетизирующем поле русской поэзии, слушая ее живые голоса:

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.
(«Сергей Есенин»)

«Если сам я хоть что-нибудь значу»... Сейчас значение Рубцова видится в том, что его лирика, пожалуй, последнее столь цельное и органичное явление в русской поэзии XX в. Отдельному же читателю его стихи дороги потому, что обладают, наверное, самым важным свойством поэтического текста, подзабытым сегодня, — целительным воздействием на душу человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белков В.* Жизнь Рубцова. Вологда, 1993.
2. Николай Рубцов: Вологодская трагедия / Сост. М. Коняева. М., 1998.
3. *Оботуров В.* Искреннее слово: Страницы жизни и поэтический мир Н. Рубцова. М., 1987.
4. *Рубцов Н.М.* Собр. соч.: В 3 т. М., 2000.